

**МОТИВ ЗРЕНИЯ У М.Н. МУРАВЬЕВА И А.Н. РАДИЩЕВА
В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ**

В контексте европейской культуры XVII–XVIII веков проблема зрения, имеющая в эту эпоху литературное и философское значение¹, играет весьма значительную роль. Эта тема часто связывалась с проблемой познания «истины» или «реальности» (интересно сопоставить ее с символической пещеры у Платона). В «Потерянном рае» (1667) Мильтон развивает эту мысль, связывая ее со старым теологическим тезисом о невозможности видеть божественный свет. Для него условием присутствия «небесного» зрения является слепота, т. е. отсутствие обыкновенного зрения. Нормальное, тотальное зрение может быть препятствием для познания сущности.

Интерес к проблеме слепоты может быть связан с противодействием рационализму XVII века, поддерживающему представление о всемогуществе человеческого знания. Этот вопрос активно обсуждали философы–эмпирики, в частности, Дж. Локк. Д. Дидро в «Письме о слепых» (1749) высказывает мысль, что слепцам, обычно считавшимся несчастными, легче иметь превосходную интуицию, чем зрячим, не сомневающимся в способностях своего зрения. Картезианское представление об объективном зрении, выраженное в «Диоптрике» (1637) Декарта, предполагает такое зрение, которому не мешают физические условия. Дидро же признает превосходство за чувствами слепого. Он имеет в виду принципиальную ограниченность обыкновенного зрения, что соответствует упадку авторитета картезианского разума в XVIII веке.

* * *

Проблематика зрения была привнесена из Западной Европы в Россию в XVIII веке. Этот предмет особенно интересовал русских литераторов,

философов и ученых во второй половине столетия.

В этом отношении большой интерес представляет стихотворение М.Н. Муравьева «Зрение» (1776, 1785?)². В этом небольшом произведении в сжатом виде рассматриваются разные аспекты зрения, которые часто обсуждали в XVIII веке и в Западной Европе, и в России: физическое устройство человеческого глаза, его функцию как окна во внутренний мир человека и т. д. Здесь также упоминается интересная, с нашей точки зрения, тема: слепота и прозрение слепца.

Зрение

О превосходное души орудье, Око,
Благословенно будь! Ты взносишься высоко
Над тучи, коими одеты небеса,
Испытывать творца несчетны чудеса.
Ты холмов и долин объемлешь окруженье,
Где, может быть, мудрец живет в уединенье.
Не кроется Сатурн в небесной синеве,
И слабый червячок, ползущий по траве,
Ты зришь в огромности, ты зришь природу в малом,
Равно сияюще премудрости началом.
Вселенной живопись ты носишь на себе,
Изображенья всех предметов по чреде.
Со светом сродственно отверстие зеницы,
Где перст напечатлен всеильная десницы,
Всечасно льющиеся пьют солнечны лучи
И их, сквозь влажностей кристаллы несучи,
На сеть, сплетенную из нервов, низлагает.
Где, скрытый зритель, дух вселенну созерцает,
Отвсюду он берет понятия о вещах,
И нет того в душе, что не было в очах³.

Стихотворение начинается призывом к глазам («очам»). Основным

содержанием первой строфы является перечисление функций и описание механизма зрения в представлении поэта. В этой строфе продемонстрированы знания Муравьева о современной ему науке и философии. В первых строках речь идет о расширенных возможностях человеческого зрения, вооруженного оптическими приборами – телескопом и микроскопом. Их часто использовали в России дворянские исследователи-дилетанты. В распространении сведений о микроскопе и микроскопических исследованиях большую роль «сыграли публичные лекции и статьи в научно-популярных журналах по вопросам естествознания, переводы на русский язык произведений некоторых выдающихся иностранных натуралистов (Бюффона и Бонне и др.) и, наконец, оригинальные работы Андрея Тимофеевича Болотова»⁴.

Во второй половине первой строфы стихотворения Муравьев описывает анатомическую схему зрительного органа человека. Трудно конкретно сказать, откуда автор приобрел знания об анатомии зрения, но подобную схему можно обнаружить в разных текстах того времени. В статье под заглавием «Удивительное в зрении» (1787) в журнале «Размышление о делах Божиих» читаем: «Когда мы видим вещи, вне нас находящиеся, тогда от них в глаза наши должны ударять лучи света, которые проходят чрез так называемую роговую их кожицу, чрез водяную влажность и чрез звездочку. Сими проходами проникают наконец до влажности кристаллинной, которая их сжимает; по том за стеклянною влажностью на кожице сетиобразной делают они нежное изображение, которое предметы, вне глаза находящиеся, в совершенном представляет рисунок»⁵. Я.П. Козельский в своем философском трактате «Рассуждения двух индийцев Калана и Ибрагима о человеческом познании» (1788) также приводит подобную схему: «Глаза или орудия видения, которые движутся особыми мускулами, имеют у себя шесть одежд, или кожиц; <...> шестая самая внутренняя мокротная кожица, смежная с хороидною или жилочною, именуется (retina) сетчатая, состоит

вся из переплетенных жилочек, оптического нерва и вся черна даже до хрустальной жидкости; на этой коже подобно как в темной камере (camera obscura) изображается все то, что мы видим»⁶.

В вышеприведенных текстах структура зрительного органа описывается почти одинаково: внешняя форма предметов воспринимается сознанием через глаза. Изображение проявляется на одной поверхности. Особый интерес представляет использование образа камеры-обскуры⁷ в тексте Козельского: на протяжении XVII–XVIII веков в Европе этот прибор являлся моделью, с помощью которой часто объясняли структуру человеческого зрения, отношения между наблюдателем и внешним миром⁸. Аналогия между структурой этой установки и зрительного органа проводилась в разных текстах, в том числе, в «Диоптрике» Декарта⁹ и «Опыте о человеческом разуме» (1690) Джона Локка¹⁰.

Согласно Дж. Крери, эта параллель доказывает, что в то время зрение воспринималось оторванным от наблюдателя как физического существа¹¹. Камера-обскура соответствует картезианской эпистемологии, основой которой являлось объективное мировоззрение. Но сам Декарт полагал, что расстояние между наблюдателем и наблюдаемым должно было быть преодолено, тогда как камера-обскура ближе к идее эмпиризма, признающей чувственный опыт единственным источником знаний. Камера-обскура противопоставляется объективному и тотальному зрению, она не может охватывать весь внешний мир, а только делит его на фрагменты. Важно, что изображение, показанное этим прибором, считалось более красивым, чем оригиналы: ограничение зрения помогает видению существенного.

В «Зрении» Муравьева фраза «скрытый зритель, дух вселенну созерцает» явно показывает наличие наблюдающего субъекта как отдельного существа, что сближает человеческое зрение с камерой-обскурой: его наличие напоминает наблюдающего за экраном человека в помещении этого прибора. В первой строфе стихотворения еще примечательно то, что под

словом «Око» восхваляется не только самый глаз, но глаз, который видит за пределами своих природной способностей с помощью разных оптических машин (таких, как телескоп или микроскоп). В основе этого описания лежит следующая идея: функция машин заключается в расширении способностей человеческого тела¹². Более того, здесь «око» представляется «орудием» какой-то высшей инстанции человека – «духа» как субъекта зрительного акта. Все это показывает, что у Муравьева было типичное для эпохи Просвещения представление о зрении: человеческие глаза и наблюдающий субъект рассматриваются как отдельные субстраты.

Интересно, что Муравьев был одним из первых интерпретаторов философии Джона Локка в России. В неопубликованной статье «О деяниях разума» он изложил идеи этого философа¹³. Можно полагать, что фраза «нет того в душе, что не было в очах» свидетельствует об эмпирическом характере мировоззрения Муравьева.

* * *

Главной темой второй строфы стихотворения «Зрение» является «язык взоров» – широко известная функция глаза в литературе второй половине XVIII века¹⁴. Но, с нашей точки зрения, гораздо больший интерес представляют последующие строфы. Так, в третьей строфе главной темой становится слепота, противопоставляемая зрению:

Коль многих радостей лишиться суждены
Те, кои в вечну ночь, живя, погружены!
Которых тяжка скорбь зеницы погасила.
Не зрят они лучей всходящего светила,
Ни зелени лугов, ни розы багреца,
Ни, смертный, твоего величия лица.
Какая для тебя, Гомер, безмерна трата –
Не зреть природы сей, чем мысль твоя объята:
И ты, другой слепец, чувствительный Мильтон!

Еще несется твой сквозь веки жалкий стон¹⁵.

Здесь называются имена двух исторических личностей, слепых поэтов: Гомер и Мильтон. В литературе того времени эти имена часто упоминали в связи со слепотой¹⁶. Сам Муравьев в стихотворении «Успех британской музыки» (1778) сравнивает Мильтона с Гомером:

Слепец, другой Гомер, свергает смертны узы
Мильтон, чтоб созерцать сиянье божества
И мать смертных рода
Облечь твоей красой, всесильная природа!¹⁷

Способность Мильтона «созерцать сиянье божества» относится к «свержению смертных уз». При интерпретации этого выражения сопоставление его со следующим местом из третьей книги «Потерянного рая» позволяет по-новому взглянуть на это произведение: «Тем ярче воссияй, Небесный Свет, / Во мне и, силы духа озарив, / Ему – восставь глаза; рассей туман, / Дабы увидел и поведал я, / То, что узреть не может смертный взор»¹⁸. Можно полагать, что «сиянье божества» Муравьев отождествляет с «тем, что узреть не может смертный взор» Мильтона. Возможно, что под выражением «смертны узы» имеется в виду ограничение, идущее от этого «смертного взора». Как ни парадоксально, здесь ограничением считается не слепота, а зрение.

С другой стороны, возможно, что здесь Муравьев просто повторяет мысль Мильтона как чужие слова. Примечательно также то, что слепой человек считается достойным жалости. В литературе второй половины XVIII века этот мотив «сожаления к слепцам» был широко распространенным приемом для подчеркивания достоинств способности к зрению¹⁹. В связи с темой слепоты интересны и последние две строфы стихотворения «Зрения», где описывается процесс прозрения слепца:

Но если зрения толь тягостно лишенье,
Какой небесный дар внезапное прозренье!
Надежная рука искусного врача,
Орудием плену со глаза совлача,
Рожденному слепцу природы вид дарует.
Небесна благодать ему вспомоществует.
Таков был юноша осьмнадцати лет
Во граде, где свои Тамиза волны льет,
Дарами юности и счастья пресыщенной
Но кроме зрения. <...>

Случилось, что один из тщательных мужей,
Употребивших жизнь к спасению людей,
Над ним целения всю хитрость истощает.
Он зрит: уж луч его небесный освещает.
Уже он руку зрит (которую держал,
Покуда врач свое целенье совершал),
Подруги своя возлюбленная руку.
Приобретаючи видения науку.
Уже он познает стан Бетси, и уста,
И очи, где блесит умильна красота. <...>²⁰

Представляет интерес следующее замечание В.Н. Топорова: «... стихотворение Муравьева “Зрение” соотносится с Мильтоном в связи с двумя мотивами – слепоты и прозрения – как в узком смысле слова (исцеление от слепоты, восстановление зрения), так и в широком (“панорамное” зрение, широкий охват пространства, до того не видимого или не замечаемого “проницающим” его взором)»²¹. Топоров уделяет особенное внимание одному эпизоду в одиннадцатой книге «Потерянного рая», где рассказывается история восхождения Адама с архангелом Михаилом на высочайшую гору в раю. Там Адаму представляется вид всего полушария. Чтобы показать

ему «важнейшие видения», Михаил снимает с его глаз пелену, наведенную тем «коварным плодом», который обещал ему прозрение, потом очищает зрительный нерв и вливает три капли из источника жизни, потому что ему «многое узреть придется». Наконец, Адам был вынужден закрыть глаза и упал без сознания. Михаил, разбудив его, показывает ему разные виды зла на земле, происходящие из-за его первоначального греха.

В.Н. Топоров считает этот эпизод сходным с сюжетом стихотворения Муравьева: «И первоначальное ослепление Адама, и его прозрение перед тем, как он с Евой покинет рай, это и есть главный стержень стихотворения Муравьева “Зрение”, хотя действие перенесено из доветхозаветной древности в 1785 г., когда в Лондоне доктор Грант провел операцию по возвращению слепцу зрения. Конечно, все обстоятельства изменились в корне, но сам переход от мрака к свету, от слепоты к зрению жестко объединяет в этом сюжете Муравьева и Мильтона»²².

Возможно, что Муравьев имел в виду Мильтона. Но надо учитывать и то, что прозрение слепца – старая (ее можно обнаружить в нескольких эпизодах Евангелия) и излюбленная тема как в Европе, так и в России, особенно в литературе XVIII века²³. Тем более, для Муравьева, воспитанного в традициях Просвещения, было чуждым представление о мистическом зрении, которое разделялось образованными европейцами XVII века, в том числе и Мильтоном. К подобному мировоззрению Муравьев относится критически. Как хорошо показывает третья строфа стихотворения «Зрение», для Муравьева слепые поэты, как Гомер или Милтон, были просто теми, кто достоин жалости. Таким образом, вернее было бы сказать, что в стихотворении «Зрение» Муравьев переосмысливает мильтоновский сюжет по канону европейского Просвещения и в его культурном контексте.

* * *

В литературе эпохи Просвещения мотив прозрения наделен символическим смыслом: он обозначает переход от незнания к знанию. В стихо-

творении «Зрение» Муравьева тема слепоты и прозрения несет именно эту символическую нагрузку. Для поэта-рационалиста проблема зрения была связана с проблемой человеческого познания.

Эта аналогия была хорошо знакома и А.Н. Радищеву, последовательному адепту просветительской идеологии. В главе «Слово о Ломоносове» в «Путешествии из Петербурга в Москву» интерес юного Ломоносова к явлениям природы уподобляется восхищению прозревшего слепого зрительными впечатлениями от разных предметов, окружающих его²⁴. С этой точки зрения наибольший интерес представляет предисловие к данному произведению, адресованное «любезнейшему другу» автора «А.М.К.», которое оправдывает замечание Андреаса Шенле: «в этих путевых записках общественное бедствие, прежде всего, относится к оптике»²⁵.

Я взглянул окрест меня – душа моя страданиями человечества уязвлена стала. Обратил взоры мои во внутренность мою – и узрел, что бедствия человека происходят от человека, и часто оттого только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы. <...> «Отыми завесу с очей природного чувствования – и блажен буду». Сей глас природы раздавался громко в сложении моем²⁶.

Здесь отождествляется познание и зрение, созерцание внешнего и внутреннего мира. Важно, что бедствия человечества символическим образом приписываются ограничению зрения. Та же мысль повторяется в главе «Спасская полесьть». Перед автором, во сне превратившимся в тирана, появляется некая странница:

– На обоих глазах бельма, - сказала странница, – а ты столь решительно судил о всем. – Потом коснулась обоих моих глаз и сняла с них толстую плену, подобну роговому раствору. – Ты видишь, – сказала она мне, – что ты был слеп, и слеп совершенно. <...> Все вещи представятся днесь в естественном их виде взорам твоим. Ты проникнешь во внутренность сердец²⁷.

Женщина называется «Прямовзорой», т.е. прямым взором. Это ясно показывает, что все, связанное с данным образом, соотносится с вопросами зрения и оптики. Связь между познанием и зрением здесь подчеркивается сопоставлением мотивов слепоты и прозрения. В то же время надо иметь в виду, что в вышеприведенных текстах Радищева взор обращается не к внешнему предмету, а к внутренней сущности самого себя. Т. е. здесь путем к истине считается как раз «внутренний взор», а не взор, обращенный к внешним объектам. Этот эпизод соответствует сцене прозрения Адама из «Потерянного рая», где появляется мотив «снятия плена из глаз». Такое соответствие можно считать доказательством того, что оба автора разделяют представление об ориентации на внутренние качества человека²⁸. Обращение к внутреннему у них является необходимым условием правильного познания: физическая слепота, т. е. ограничение обычного зрения, может в метафорическом смысле связываться с прозрением.

Так, мотив прозрения прослеживается в главе «Пешки». В этой главе рассказчик заходит в одну избу, чтобы пообедать; он узнает о бедственном положении крестьян, о котором рассказывает хозяйка избы. Именно в этот момент рассказчик в первый раз оглядывается вокруг, рассматривает детали внутреннего убранства избы, на которые до этого не обращал особого внимания, хотя ему многократно приходилось их видеть:

Сия укоризна, произнесенная не гневом или негодованием, но глубоким ощущением душевныя скорби, исполнила сердце мое грустию. Я обзрел в первый раз внимательно всю утварь крестьянской избы. Первой раз обратил сердце к тому, что доселе на нем скользило. – Четыре стены, до половины покрытые, так как и весь потолок, сажеею; пол в щелях, на вершок по крайней мере поросший грязью <...>²⁹.

Наиболее важным является то, что нравственное прозрение рассказчика происходит параллельно с расширением его поля зрения в физическом плане: в тот момент, когда он осознал истинное положение крестьян

того времени, он в первый раз смог «обозреть» материальный мир, их окружающий. В то время в России считалось, что обычное зрение включает в себя ограничение. Если способности человека к познанию считаются ограниченными, то обычное зрение отождествляется со слепотой; тогда «обозрение» может играть ту же роль, что прозрение для слепца³⁰. В этом плане данный эпизод также может считаться вариацией мильтоновского сюжета о прозрении слепца.

С другой стороны, обратим внимание на то, что здесь рассказчик является именно таким наблюдающим субъектом, который описывается в муравьевском «Зрении». Изображение процесса наблюдения, а также перечень различных деталей внутреннего убранства избы представляет объект «одной картиной», т. е. закрытой системой, от которой наблюдающий субъект изолируется. Наличие подобного наблюдателя соответствует типичному для эпохи Просвещения представлению о зрении, в том числе и картезианской эпистемологии.

Из вышесказанного очевидно, что для русских образованных людей конца XVIII века влияние европейского Просвещения было еще очень велико. В «Зрении» Муравьева давалось типичное для эпохи Просвещения представление о зрении. Слепота, которая в Западной Европе второй половины XVIII века часто связывалась с идейным направлением контрпросвещения, в контексте культа зрения является недостатком.

Функцию этого мотива в «Путешествии из Петербурга в Москву» Радищева нельзя определить так однозначно. Здесь мотив слепоты часто несет положительную нагрузку. В этом отношении можно сказать, что Радищев преодолевает традиционное представление о зрении эпохи Просвещения. Но нельзя упускать из виду, что в этом произведении такие мильтоновские мотивы, как «снятие плена из глаз» и «прозрение» связываются именно с просветительским идеалом – с переходом от незнания к знанию. Несомненно, в этом смысле Радищев был адептом европейского Просве-

щения.

¹ Известно, что ньютоновская «Оптика» оказала большое влияние на английскую литературу этого времени: на творчество Дж. Томсона и др. См., например: *Nicolson M.H.* Newton demands the Muse. *Newton's Opticks and the Eighteenth Century Poets*. Princeton, 1946.

² Насколько нам известно, единственным монографическим исследованием этого стихотворения является работа В.Н. Топорова: *Топоров В.Н.* Гимн зрению (анатомия и дары его) // *Топоров В.Н.* Из истории русской литературы. М., 2003. Т. 3. С. 541–559. Об истории создания этого произведения см.: *Кулакова Л.И.* Комментарии // *Муравьев М.Н.* Стихотворения. Изд. 2-е. Л., 1967. С. 338.

³ *Муравьев М.Н.* Указ. соч. С. 160–161.

⁴ *Соболь С.Л.* История микроскопа и микроскопических исследований в России XVIII века. М.; Л., 1949. С. 367.

⁵ Размышление о делах Божиих. 1787. Ч. 2. С. 123–124.

⁶ *Козельский Я.* Рассуждения двух индийцев Калана и Ибрагима о человеческом познании. Т. 1. СПб., 1788. С. 57–58.

⁷ Об этом приборе см.: *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.* Энциклопедический словарь. СПб., 1895. Т. 14. С. 174. Об истории его восприятия в России см.: *Ченакал В.Л.* Русские приборостроители первой половины XVIII века. Л., 1953. С. 112–113; *Ченакал В.Л.* Иван Иванович Беляев – русский оптик XVIII века. Л., 1976. С. 40–41. В сочинениях М.В. Ломоносова также упоминается этот прибор, причем когда речь идет и об оптических экспериментах (1762–63), и о способе зарисовки (1764): *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. М.; Л., 1950–59. Т. 4. С. 415; Т. 9. С. 315.

⁸ *Crary J.* Techniques of the Observer on Vision and Modernity in the Nineteenth Century. Cambridge, Mass., 1992. P. 27–29.

⁹ *Декарт Р.* Диоптрика // *Декарт Р.* Рассуждение о методе: с приложением. Диоптрика, Метеоры, Геометрия. Л., 1953. С. 98.

¹⁰ *Локк Дж.* Опыт о человеческом разумении // *Локк Дж.* Сочинения: В 3 т. Т. 1. М., 1985. С. 211–212.

¹¹ *Crary J.* Op. cit. P. 38–40.

¹² Подобная мысль появляется, например, и в трактате Радищева «О человеке, о его смертности и бессмертии»: «Орел, паря превыше облаков, зрит с высоты своего возлечения крохотную под травным листием свою снедь. Человек не столь имеет чувствие зрения дальновидно, как он; миллионы животных ускользают от его взора своею малостию; но кто паче его возмог вооружить свое зрение? Он его расширил почти до беспредельности. <...> Кто может сравниться с Левенгуком, с Гершелем?» *Радищев А.Н.* Полное собрание сочинений. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 52.

¹³ *Кочеткова Н.Д.* Литература русского сентиментализма. Л., 1994. С. 33–34.

¹⁴ Там же. С. 201–202.

¹⁵ *Муравьев М.Н.* Указ. соч. С. 161.

¹⁶ О Мильтоне в контексте русской литературы XVIII в. см.: *Boss V.* Russia, Milton's Influence in // *A Milton Encyclopedia*. Vol. 9. Lewisburg, 1983. P. 20–43; *Топоров В.Н.* Указ. соч. С. 553–559.

¹⁷ *Муравьев М.Н.* Указ. соч. С. 172.

¹⁸ *Мильтон Дж.* Потерянный рай; Стихотворения; Самсон-борец. М., 1976. С. 85.

¹⁹ Яркий пример этого мотива мы можем обнаружить в переводе одной статьи из «Contemplation de la Nation» швейцарского философа Бонне, опубликованной под заглавием

«Зрение». В этом переводе читаем: «Несчастливые слепцы, которых жестокая судьба от рождения лишила сего несравненного чувства! я сердечно сожалею о вашем несчастье. Ах! Наипрекраснейший день не отличается для вас от самой темной ночи. Свет никогда не вливал радости в сердца ваши». Детское чтение для сердца и разума. 1789. Ч.19. С. 202–203.

²⁰ Муравьев М.Н. Указ. соч. С. 161–162.

²¹ Топоров В.Н. Указ. соч. С. 554.

²² Там же. С. 556.

²³ См., например: Санктпетербургский Вестник. 1779. Ч. 3. С. 223–226; Детское чтение для сердца и разума. 1789. Ч. 18. С. 58.

²⁴ Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву; Вольность. СПб., 1992. С. 116–117.

²⁵ Schönle A. Authenticity and Fiction in the Russian Literary Journey 1790–1840. Harvard, 2000. P. 21.

²⁶ Радищев А.Н. Указ. соч. С. 6.

²⁷ Там же. С. 25.

²⁸ Радищев интересовался Мильтоном. Об этом см.: Лехтблау Л.Б. Стиль «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева // Проблемы реализма в русской литературе XVIII века. М.; Л., 1940. С. 234–240; Boss V. Op. cit. P. 32.

²⁹ Радищев А.Н. Указ. соч. С. 113.

³⁰ В то время способность к обзору часто считалась необычайной и чудесной. Например, в одной статье об истории прозрения слепого в Англии возможность обозреть окрестности воспринимается слепцом как «новый род зрения»: Детское чтение для сердца и разума. 1789. Ч. 18. С. 62.